Книжная торговля – один из индикаторов общественной жизни. «По движению книжной торговли, по колебаниям книжного рынка можно, до известной степени, судить о духовном богатстве общества, подобно тому, как промышленный рынок отражает в себе уровень материального благосостояния населения. В последнее время книжная торговля пережила ряд кризисов <…> книжные склады переполнены тысячами томов, которые лежат годами в ожидании покупателей <…> Тем не менее с распространением образования, книга все более прокладывает себе путь в народные массы и приобретает новых читателей. Если, тем не менее, книжная торговля падает, то это зависит от высокой цены книг, не соответствующей материальным средствам населения и делающей книгу роскошью для многих. С повышением экономического благосостояния масс, книжная торговля несомненно должна оживиться» [8, с.591].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т.1. Конец XVIII-середина 90-х годов XIX века / Ответ. ред. В.Н. Волкова. – Новосибирск, 2000. С.136-252.
2. Государственный архив в г. Тобольске. Ф.152. Оп.27. Д.161. Л.3, 3 об, 4.
3. Волкоморова, О.Б. Книгоношество в Тобольской губернии // Региональные проблемы истории книжного дела: материалы II Всерос. научной конференции (25-26 октября 2011 г., Челябинск). – Челябинск, 2011. С.10-12.
4. Государственный архив в г. Тобольске. Ф.152. Оп.28. Д.94. Л.14.
5. Государственный архив в г. Тобольске. Ф.152. Оп.27. Д.139. Л.1, 1 об, 2.
6. Коновалова, Е.Н. Пути распространения местных изданий // Коновалова Е.Н. Книга Тобольской губернии. 1790-1917 гг. Сводный каталог местных изданий. – Новосибирск, 2006. С. 217–221.
7. Рогачева, Н.А. Веселый город // Тюмень: образ, душа, судьба. – Тюмень, 2004.
8. Торговля книжная // Энциклопедический словарь. Под ред. К.К. Арсеньева, Е.Е. Петрушевского. Т.66. – СПб., 1901. С.591-593.

Н.Б. Граматчикова

ОБРАЗ УРАЛЬСКОЙ «ГЛУБИНКИ» В «КНИГЕ ДЛЯ ЧТЕНИЯ» КРАЕВЕДА В.Г ХЛОПИНА «ИСТОРИЯ ЧЕРНУШИНСКОГО РАЙОНА»

«История Чернушинского района» соединяет в себе черты книги по краеведению и мемуарного сочинения. Подзаголовок («книга для чтения») выделяет как целевое, сокровенное, все же не «полномасштабную» официальную историю, но семейное или индивидуальное чтение, камерное пространство восприятия.

Автор книги – Вячеслав Григорьевич Хлопин (1925-2010) – уроженец Чернушинского района Пермского края, в отъезде провел лишь несколько лет, в числе которых – военные фронтовые годы. Учительствовал, растил четверых детей, вел краеведческий кружок в школе, затем открыл школьный музей, положивший начало музею краеведческому. Ходил на охоту, писал картины, возглавлял народный музей, был председателем районного совета ветеранов, являлся автором многочисленных очерков в районной газете. Он плоть от плоти этой земли и одновременно один из тех, кем живет и держится эта земля.

Точкой отсчета в истории района стало заселение этого края русскими поселенцами в XVIII веке, там – «далекое прошлое» Чернушки и ее окрестностей, симптоматичный для Урала «русский рубеж» во времени. Нынешний нефтедобывающий район показан в его крестьянском прошлом, с дотошностью, приводящей на память лучшие образцы отечественной этнографической беллетристики (очерки С. Максимова, Н. Носилова и др.). Автор не то чтобы поэтизирует, но с большой любовью реконструирует все известные ему (в том числе, по личному опыту) особенности крестьянского быта, соединяя в повествовании легкость разговорной интонации и глубокое осмысление роли и места описываемого явления (будь то сельскохозяйственная культура, ремесло и др.) в жизни крестьянина. Так, неожиданно близкими оказываются, например, лён и пол, в силу своей равной причастности «женскому»: «пол в избе (как лен в поле) всегда был женской радостью и женской бедой» [1, с.47]. Как определяли время посадки и уборки основных сельхозкультур, как часто мыли избу, как долго носили самотканую одежду, как пасли скот, – в книге можно найти ответ на многие вопросы «истории повседневности», тем более, что в повествовании отчетливо видно, как раз за разом уральская деревня отбрасывается в «глубокую древность», лишаясь, в силу разных исторических причин, самых необходимых товаров (мыла, соли, сахара, ниток и др.), превращаясь в вечно действующий «музей под открытым небом».

Собственный опыт рассказчика (иногда кажется, что более «генетический», чем реальный) дополняется свидетельствами земляков, не превращающих сочинение Хлопина в научный труд. Примечательно, что в этой книге, насчитывающей два десятка источников в списке литературы, а также вобравшей в себя десятки воспоминаний жителей района, отсутствуют ссылки; «чужое» слово как бы вплетается в собственную линию размышления-повествования. Достоверность достигается через доверие к личности повествователя. Кроме этнографических наблюдений в данной главе можно обнаружить необычайно выразительные медальонные иллюстрации-рассказы о людях и событиях. Таковым является, например, воспоминание П.А. Расторгуева о деде по отцу – Степане Дорофеевиче (1842-1936), держащем на тот момент первенство Тауша по долголетию и по количеству потомков: на 1 января 1982 года оно насчитывало 272 человека от детей до праправнуков. Картина жизни Степана Дорофеевича – человека «кипучей энергии, хозяйственной хватки и неукротимого, деспотичного характера» [1, с.64] – абсолютно лишена сусальности: забив первую жену, беременную пятым ребенком, дед женился вторично в 42 года и до глубокой старости держал всех домашних в ежовых рукавицах, оставаясь строгим и предприимчивым хозяином.

Следующие главы последовательно посвящены революции, гражданской войне, коллективизации и Великой Отечественной войне. Они соединяют в себе черты исторического исследования и «народной истории». Есть некая «официальная линия» истории, которую сохраняет и разделяет сам автор книги; это линия «красных»: победивших, выживших. В книге Хлопина отчетливо видно, как «другие» (сначала это активисты-революционеры) приходят в край из вне, вызывая раскол

внутри общин уже не по личным качествам, но по принадлежности к сословию или классу. Примером такого процесса является деятельность революционера П.И. Деткина. Рубиконом становится расстрел П.И. Деткиным своего бывшего приятеля-земляка, оказавшегося по другую сторону баррикад; что сразу меняет маркировку «своих» и «чужих». В июле 1918 года район представлял собой поле военных действий, наиболее жестокие бои шли между добровольцами-деткинцами и добровольцами-повстанцами с заводов Ижевска и Воткинска. Свидетельства очевидцев сохранили ощущение хаоса, в который ввергласъ тогда Россия. «С поздней осени 1918 года Чернушинский район представлял из себя сплошное поле военных действий. В каждой деревне если не шел бой, не свистели пули, то стоял обоз, или хозяйственная часть, или какая-нибудь другая военная команда. Население в этот год совсем забросило свое хозяйство. Дома не осталось ни одного здорового мужчины, способного носить оружие. Мирных жителей не существовало, край был военизирован. Все, включая женщин, были мобилизованы на саперные работы или извоз. Во время передышек женщины стирали одежду бойцам и пекли для всех хлеб» [1, с.106]. Вокруг деревни Дубовая Гора два месяца шли бои. «Жители окрестных селений отсиживались по подпольям. Неделями не топились избы, не зажигались огни. Некормленный скот ревел по хлевам. Из самой Дубовой Горы почти все население выехало, только разве те, что решили умереть возле своего порога, оставались в ней» [1, с.107].

Сквозь политику военного коммунизма и продразверстку, представляющуюся автору книги оправданной, повествование доходит до коллективизации, где сразу становится очевидной соблазнительность принудительных методов. В текст введен интереснейший документ – воспоминания В.И. Копытова, бывшего колхозника из деревни Улык-гора, о его жизни и жизни его односельчан в период коллективизации, где приводятся цифры оплаты трудодней (от 20 копеек до 2 рублей в разные годы) при выработке от 200 до 500-600 трудодней за год (впрочем, в неурожайные годы колхозники работали просто бесплатно). В том же документе показано, как политика принудительных лесозаготовок лишала деревню молодежи, которая, стремясь избежать многомесячного почти не оплачиваемого труда, старалась уехать из деревни в города, на производство или в прислуги [1, с.130-137]. Характерным примером памяти народной, помнящей доброе больше плохого, являются воспоминания Л.А. Григорьевой о своем детстве и юности, где трудная и бедная жизнь ее семьи пронизана заботой друг о друге до такой степени, что Л.А. Григорьева не помнит ни одной ссоры, ни одной травмы, ни одного часа пропущенных занятий в школе [1, с.144-147]. Нужда не покидала уральскую деревню. В воспоминаниях М.П. Лобаева о «добровольной организации колхозов» с горечью констатируется, как под разными предлогами «вычищали колхозные закрома из года в год», и «временные трудности» оказывались риторическим приемом власти.

Последняя глава посвящена Великой Отечественной войне, весть о начале которой довезли до деревень района на лошадях только к позднему вечеру 22 июня. Лозунг «все для фронта» раскрыт в своей единичной конкретике, а потому звучит особенно пронзительно. «Все для фронта» – это значит двое-трое мужчин каждый день уходят по повестке и так в течение двух-трех месяцев, потом уезжают гусеничные

трактора и трактористы, потом рабочие лошади с упряжью. Всего район отдал фронту более 15 тысяч человек из 47-тысячного населения, то есть просто всех трудоспособных мужчин.

Основная доля воспоминаний военных лет в книге В. Хлопина принадлежит подросткам военного времени и женщинам, со слезами на глазах пытающимися заменить мужчин везде, где только можно: в конюшне, на тракторах, в поле и дома. Короткая зарисовка «обыкновенного утра» женщин военной поры Чернушинского района не менее впечатляюща, чем «Один день Ивана Денисовича» [1, с.179-1]. Вполне закономерно в этом контексте воскресает при описании военного времени тема монашеского служения. Она развивается в приведенной В. Хлопиным заметке спецкора «Известий» Э. Максимовой, записавшей воспоминания заведующей детским садом № 20, эвакуированного из Ленинграда на Урал, в деревню Легаевку [1, с.195-201]. Сам вывоз детей сопоставим по многим обстоятельствам с «железным потоком». На Урале только благодаря невероятной самоотверженности воспитателям удалось сохранить всех детей. Интересно, что у местных жителей интернат получил прозвание «легаевского монастыря»: очевидно, было в самом отношении к детям и делу столько от служения, что строки инспекторской проверки летом 1944 года звучат поэтически: «Спальня младших поражает белизной. Домашний уют располагает к сладкому сну. При голубом лунном свете дети засыпают под звуки колыбельной» [1, с.198].

Заканчивается книга временем, когда, собственно, начался путь самого 25-летнего фронтовика В.Г. Хлопина в родном районе – 1950-ми годами. Очевидно, прежде всего, писателю было важно сохранить образ именно уже ушедшего мира, а во-вторых, именно этот этап развития он сам ощущал как осмысленный, ибо текст его «Истории» гораздо в большей мере является продуктом, отражающий уже понятое, пережитое и осмысленное, нежели механизмом этого самого осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хлопин, В.Г. История Чернушинского района (конец XIX в.-1945г.). – Пермь, Пушка, 2010.

О.В. Десяткова

ОБРАЗЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА СОВРЕМЕННЫХ ВЯТСКИХ ХУДОЖНИКОВ)[1]

Современные исследователи провинциальной культуры полагают, что российские регионы стали локусом охраны национальной духовной культуры и, в связи с этим, их развитие движется в «сторону самодостаточности и самоидентификации» [1]. Поэтому исследование воплощенных в искусстве образов провинциальных городов является частью региональной культурологии, использующей методы образной географии и геопоэтики.

Изучение особенностей мифопоэтического, образного освоения пространства российской провинции тесно связано с проблемой наци-

[1] Исследование выполнено по гранту Президента РФ для поддержки молодых российских учёных и научных школ.